

{numeration}

В царьстве Малковрульском у царя Малковруна была дочь Мерекри́са прекрасная. Ей сватались два жениха: царь Додон, Царь Гридо́н. Гридон богатой, а старой; а Додо́н голый, а молодой. Ей хоцетсе за молодого, а батьке отдать за богато. Вот батько отдал её за старого, за Гридо́на. Она не стала ево любить. Посылаэт она ево в цистоё поле. «Сходи ты, Гридо́н, настреляй мяса гусиннаво и лебединнаво. Принесу тебе сына Со́кола». Он и ушел. Она послала за им вслед: «Поди, убей ево там». Ходил он, не мог убить — не нашел. Она опеть на другой день посылает царя Гридона в лес: «Поди, настреляй мяса гусиннаво и лебединнаво — принесу тебе сына Сокола, по колен рук в золоте, по локоть руки в серебре». Он опеть ушел, она послала царя Додона за им вслед. Ходил, ходил, не мог опеть ево найти. Она опеть на третьей день посылает своево мужа в лес: «Поди, настреляй мяса гусиннаво и лебединнаво — принесу тебе сына Со́кола, по колен рук в золоте, по локоть руки в серебре». Он ушел в лес, она посылает царя Додона за им вслед. Он ходил и нашел ево там, нашел и убил.

Пришел домой, и вышла она замуж за царя Додона, и родила сына, дали имя славнаво витезя — Бова-королевица. И ростёт он по цяскам, ростёт ходко — славной витязь Бова-королевиць. Было времяцька три денёцька, стал на улицу похаживать; стало времяцька три годоцька, стал с робятками поигрывать. Царь Додон отправлялсе, в инны́е земли уежжал. Ему снится там, што сидит сын-па́сынок, сидит на белых грудях, порит белые груди, смотрит на ретиво серьцо. Ему это не кажется. Пишет своей жонке: «Цярица! Сына моево, пасынка, куда-нибудь девала, а нет, миня бы домой не ждала». Она не поглядела на это письмо. Он опеть пишот: «Лишила бы сына моево, па́сынка, а нет, мужа не ждала бы». Посадила она в темницу своево сына. К ему ходила девка-чернявка, носила пить. А ему всё грезится, не даёт ему покою, и пишот: «Куды-нибудь ево девала, сына-па́сынка». Взела она, купила били, напекла пирожочков, хотела ево отравить. Девка возьмёт, взяла с собой краюшку хлебця и с собой собацьку кликнет. Он и спрашивает: «Ох, маменька стоскнулась, поись послала?» Девка и говорит: «Дай-ко собацьке кинуть кусоцик». Кинула собацьке — собацьку всю и и́зорвало. «Не давай-ко мне девшка, этово!» Девка краюшецьку хлеба дала, а этих не дала и унесла взад. «Не запирай ты, девшка, тюрьмы тёмной!» Девшка так и оставила.

Он вышел и говорит: «В город итти — миня захватят». Взял за стену и свалился за белокаменную. Лежит на крутом бережке. Ехали гости, корабельшыки царьства Зезентийскаво, увидали, што это на берегу лежит, больнё сияет, привернули, взяли ево себе на судно. Он и заснул у них на судне. Они и говорят: «Отдайте, братци, мне!» А другой говорит: «Отдайте, братци, мне!» А третьей говорит: «Кинемте в море, никому ницево». Он пробудилсе и говорит: «Снилось ли мне, или вы говорили — один говорил: „Отдайте, братьци, мне!“ Другой говорил: „Отдайте мне!“ А третьей говорил: „Кинемте в морё?“» — «Тошно так, говорили». — «Не кидайте миня в море, свезите к царю Зезентию, он миня купит, только вы не опроситесь. Он заплатит вам большие деньги».

Свезли они ево город; показали царю Зизантию они и отдали ево. Дал он им по три тысячи на пай. И живёт он у царя Зизантия, такой удалой, просто дело! Входит в сад, жеребца любимово царьсково заведывает — больше никакой ему работы нету. Ево зовут всё — новый слуга, новокупленной — имени он своево не сказывает. Доцька была царя Настасья Зизентиевна. Захотелось ей посмотреть слугу новокупленнаво. Выпросилась она с няньками, маньками посмотреть слугу новокупленнаво. Взяла шляпку серебряную, а он сидит на ко́чке, шляпка на ём цветошная. Она взяла с ево шляпку цветошную, наложила серебряную. «Довлеет нашему слуге сидеть в шляпке цветошной, довлеет серебряной». А он взял, эту серебряную кинул — кинул, и найти нельзя, а сам опеть цветошную наложил. На другой день приходит проведывать слугу новокупленнаво. Приносит шляпу золотую; сымает с ево шветошную, накладывает золотую; он бросил, она опеть найти не могла. Наложил опеть цветошную.

На третьей день приходит без не́нек, без ма́нек, накладывает на ево шляпку золотую, снимает шветошную. И не скинул этой шляпки. Потом они кольцам поменялися с ей. С той поры она стала в царьство похо́живать к ему. Он и сказал ей, как ево зовут: «Зовут миня Бова-королевиць». Она подружкам некоторым росказала, и от подружек стало королю известно, как ево зовут. Королю не понравилось, што через доцьку узнал, как ево зовут.

Через сколько времени приехал свататься жених к ей. Приехал сын Лукопёр, косая сажень в плечах, голова как пивной котёл, промежу глазами калёна́ стрела. И это стал свататься Бова-королевиць ее. Царь и говорит: «Ступайте, говорит, на поединок; которой которово избидит, за тово и замуж». А это выехал да с перваво сраженья россек ему голову до самых плечь. Пришел Бова и сказал: «Ну, царь, я решил этово богатыря». Царь написал письмо. «На, неси письмо к батьке Санталу Санталовичю, што ты убил сына Лукопёра». Он сел на коня, котораво стерёг, и поехал. Ехал, ехал доброй молодець путём-дорогою — старицёк живёт один на лесу́, привернул он к ему ноцевать. «Што, славной рыцарь, Бова-королевиць, далеко ли направился?» — «А направился я к Санталу Санталовичю — убил ево сына Лукопёра». — «Так не изди ты на коне туды. Опусты ты коня́ домой, а поди пешо́й. На коне ведь домой не бывать, пешой, может быть, и возвратисся назад». И пошел доброй молодець пешком. Приходит к Санталу Санталовичю в царьство. Приходит, подаваёт письмо к Санталу Санталовичю. Прицитал письмо, што ево сына убил. «Надо ево завтра, говорит, на висилицю». А доцька сидит и говорит: «Батюшка, батюшка! Неужели нашему царьству будет воскреситель, а тому погубитель! Посади в темницу». Она вецерком оделась, с няньками, мамками пошла. А он сидит да Богу молитсе. А она перед им и скацет, и пляшет в одной тоненькой рубашке, без пояса, в одних беленьких цюлоцьках без чеботу. А он ее пнул — она улетела до дверей. Слуги схватили ее́, понесли всё равно как замертво́ и говорят: «Ох, ты царь, царь! Плохо ты бережешь ево — он у тибя сына-то убил и доцьку-то убьёт». А

он и говорит: «Да завтра задавим ево — повисим на висилицю». А доцька лежит и говорит: «Ах, батюшка, батюшка! Неужели он нашему царьству будет воскреситель, а тому погубитель — пушай он ешо сутоцьки-те поживет». Она опеть до вечера дожидала, пошла провеживать. Перед им опять и скажет, и пляшет в тоненькой рубашке, в одних беленьких цюлоцьках без чебота. Он опеть пнул её — она опеть до дверей улетела: лёжит без памяти. Её опять унесли ноской от ево. Слуги и говорят: «Царь, ты царь! Он у тебя сына-то убил и доцьку-то убьёт». А она опеть просит: «Батюшка! Неужели он нашему царьству будет воскреситель, а тому погубитель? Оставь ешо на суточки». Она до вечера дожидала, оправилась и опеть пошла ево провеживать. И скажет, и пляшет в одной тоненькой рубашке, в одних беленьких цюлоцьках без чебота. Он взял её, схватил за руки и повалил на кроватку, и с ей уклалсе. «Вот што, Настасья Санталовна! Захотелось до ветру». — «Так поди сходи», — и опустила ево. Вышел он до ветру да и марш, только и видела. Пришли слуги, а она спит одна на диване, ево дожидается.

Вот он, доброй молодець, близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли — сам отправляется. Приходит к этому старику ноцевать. «Вот, говорит, я тебе, славной витязь, Бова-королевиць, говорил я тебе — один скоряе воротиссе!» Дал он ему две ягодки. «Одной ягодкой, говорит, помажесе — будешь старой, древней, а другой помажесе — будешь лутше старово». Приходит он в своё царство Зизантийское. Подошел — пиво варя́т, надо свадьбу играть, Настасью Зизантиевну отдавать. Он подходит к пивоварушкам: «Пивоварушки, батюшки! Дайте пивка, не ради меня, а ради славново витязя Бова-королевиця!» У их у царя были афишки прибиты: «Кто поме́нет славново витязя Бова-королевиця, тово на висилицю». — «Пей, пей, да убирайся! Што-бы мы не цюли этих розговоров».

Приходит опеть к винокурам: «Дайте винця, не ради миня, а ради славново витязя Бова-королевиця». Захватили ковш, подали. «Пей да убирайся! Король уцюет — и на висилицю». А Настасья Зизантиевна подаёт милостыню нишшым большую. «Пои́ду, говорит, и я просить!» Приходит, и просит, и говорит: «Настасья Зизантиевна! Подай милостыню не ради миня, а ради славново витязя Бовы-королевиця». Она сицяс скоцила и подавает сама ему милостыню — красную бумажку за это. «Ой ты, батюшка! Где ты слыхал про ево? Ево и жива нет. У нашево царя повелено — кто ево поменет, тово и на висилицю!» А у ево в конюшне конь ломит сильнё, и говорит: «Што это больнё конь ломит у тебя там? Подём, я провожу́». Как зашли в конюшню, конь голову на плечё поло́жил ему. Она ево и спрашивает: «Што, неужели, ты славной витязь Бова-королевиць». — «Да, я!» — «Фу ты, какой ты Бова-королевиць?!» Пошла проць, а он помазалсе ягодкой — всё и засияло, она и воротилась, воротилась и на шею ему бросилась. «Ах! Славной витязь Бова-королевиць!» Поцеловались, сили на коня́ да и уехали.

Царь хватилсе — и доцьки не стало, увезли доцьку. Вот он нацал войско сбивать, он за им погоню гнать. Собрал войско 60000 и послал в погоню за им. Он обратилсе назад, всё это войско и побил. Было несколько богатырей, пустил их взад: «Скажите, што не трудился бы понапрасну царь Зезентей». Царь насбирал войско, они ему и говорят: «Нецево нам делать! Всё по-пустому». Вот он и спомнил, у нево, было, 30 лет в засаде сидел богатырь Полкан Полкановиць — туловище лошадиная, голова человеческая, скоки делал по семи вёрст. Он достал тово богатыря и отослал ево вслед. Богатырь ево несколько время и настиг ево скоро. Настиг, как сичас наехал, ударил па́лицей, он и не пошевেলился. Тот ево повернулсе, ударил, Полкан Полкановиць свалилсе. Стал и говорит: «Лутше, славной витязь, побратуемся мы с тобой, ты пусть большой брат, а я меньшей». Побратовались и поехали они вми́сте. «Топерь нас двоих никто не возьмёт». И ехали они путём-дорогой, и Настасье Зезентиевне захотелось мяса гусинново и лебединново. «Сходи ты, славной рыцарь Бова-королевиць, набей мне мяса гусинново и лебединново. Я, говорит, принесу тебе двух сынов, ясных соколов». Роскинул шатёр белополотенной и ходил, больнё скоро настрелял гусей и лебедей. Нажарили, наварили и наи́лись. Опеть и поехали в путь-дороженку. Ехали, ехали, опять ей и захотелось мяса гусинново и лебединново. Она опеть и говорит: «Славной витязь, Бова-королевиць! Настреляй мне мяса гусинново и лебединново». Он взял и не стал шатёр роскидывать. «Скоро, говорит, и так постоите». Оставил их вдвоём. А скоро-то не удалось. Ушел далеко́нько, напал лёв-звирь ему. Поел этово Полкана Полкановица, ево коня такжо. Он покуда ел, а она ушла от них далёко. Ушла в лес да заблудиласе. Он пришел на это мистечко — трупы лежат — съидено всё. Думает, што и жонка съидена, и не искал её нико́лько. Вот он в город свой и пошел, в родительской, в царьство Додонское. Приходит, зашел он дядьке Довмантию: «Опусти ты, дядько Довмантей, своево сына Лукашку со мной». Тот и опустил. Пошел он к своей матке. Пришел к матере своей, просят они милостыню. Мать-то выходила, милостыню подавала, а в углу лежит да кто-то стонет. «Кто же это у тебя стонет-то?» — «Ох, батюшко! Чьярь, лежит третей год в росслаблении, всё сердечко вынел у меня». — «Так, мамушка, нельзя ли ево вылечить?» — «Ты бы как вылечил, не знаю што бы дала!» — «Неси, матушка, топор!» Та принесла. «Стами́к ешшо неси». Она принесла стамик. А он взял царя поло́жил, голову отсек. «Обирай, говорит, мать родная». — «Да што ты, плут, наделал-то?» — «Не я плут, а ты плутовка! Тебе жаль вот он третий-от год, а я вот 30 лет странствую, тебе не жаль. Ежели бы ты не моя мать была, во утробе не носила, то бы тебе это было!» А она говорит. «Да неужели ты славной витязь Бова-королевиць?» — «Тошно так, маминька!» Вот он стал жить у нее. «Мне бы, маменька, жениться надо!» — «Да ты, батюшко, дале бывал, больше доброво видал. Женись, где хочешь». Он взетши, собрал свадебку и поехал к Санталу Санталовичу за невестой.

Съехали, их и приняли цесь-цесью — она и обрадела, невеста. Сели за стол, их стали потшывать. Гости пьяны напивались и розгово́рили шипко, громко. А у ево деточки

выросли большие и говорят: «Мы пойдём к бабушке на свадьбу. Сделай нам по гудоцку. Мама и сделала им по гудоцку; она и пошла на свадьбу. Пошли, силы на печьку играть: «Наш-от бабушка жонитсе, наша матушка на луки́х морьских». И поют всё. Он и уцол эти разговоры. «Постойте-ко, робятушки! Потихе, потихе!» Стал да этих робяток и снял с печи. Как снял с них колпацки, всё в комнате засияло. Видит, што это ево детушки, и спрашивает он: «Где же, ребятка, ваша матушка?» — «А наша-то матушка на луки́х морьских, а наш бабушко жонитсы». Вот он видит, што ево жонушка жива, свадьбу решил и уехал со своим поездом взад, а этой сказал: «Выходи за ково знаэш, а я поеду за прежней женой». Приехал домой, свою тройку запряг и проехал за ей, привёз ее домой с малыши детушками. Повенчалсе с ей и стал жить. Всё живут.

Я там был, мёд пил, по усам текло, в рот не попало. Нарядили там меня, добра молодеца, дали коня леденово, сидёлышко рипяно, плётку гороховую, штаны мне синие, сапоги красные, рубашку красную. Я и поехал, доброй молодец, домой. А у мужика да у Дресвя́нной ж... овин горит. Мне захотелсе отнеть, я коня-то близко и поставил. У меня конь-от и роставал, ехать стало не́ на чем. Сидёлышко птици расколотили, а плётку сви́ньи растолочили, я пешком и пошел. Птицка на колышке вертитсе: «У молодеца-то, говорит, штаны те синие, синие!» А я подумал — скинь, скинь! Я взял и скинул. Опеть птицка на колышке вертитсе. «У молодеца, говорит, рубашка красная, красная!» А я думал — за́стр..., за́стр..., взял и бросил. Пошел домой в одной бедной рубашонке.

{/numeration} {spoiler title=Примечание}

Записана Б. и Ю. Соколовыми от [Андрея Михайловича Ганина](#) .

Текст сказки приводится по [Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 книгах. — СПб.: Тропа Троянова, 1999](#)

Сказка соответствует типу: **ВСС 707В*** [Бова-королевич](#) **ВСС 1880** [Возвращение со свадебного пира сказочника](#)

{/spoiler}